

шлось, еслибы въ это время не подоспѣлъ сзади батюшка и не ухватилъ Щепоткина за локти. Всѣ остальные участники пикника также не замедлили сбѣжаться на шумъ и пеструю движущуюся толпою окружили мѣсто происшествія.

— Чтѣ здѣсь такое? Чтѣ случилось? — слышались вокругъ тревожные и любопытные вопросы.

— О, то ничего! — успокоивалъ лукавый Бордзовскій испуганныхъ Пфейферш. — То просто маленьки турниръ за дамы сердца...

— Ахъ, мейнъ-Готтъ! Гроссъ-шкандадь!..

— Пустите меня! — ревѣлъ, между тѣмъ, Щепоткинъ, вырвався изъ батюшкиныхъ рукъ. — Пустите, я его изувѣчу! Я ему приличную морду-то исполокую, не погляжу, что инженеръ! Ишь ты, пришла свинья изъ Питера, вся истыкана!..

— Стой, стой, пьяная твоя душа! — уговаривалъ его батюшка, въ жару борьбы получившій уже два-три изрядныхъ толчка и все-таки продолжавшій съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшей участи, сдерживать бѣшеные порывы Щепоткина. — Опомнись, чтѣ ты дѣлаешь! Аль ты одурѣлъ?

— Я не одурѣлъ! Пусти, тебѣ говорить, а то и тебя убью! Всѣхъ убью, въ дребезги разнесу... Не смѣй онъ надо мной издѣваться...

— Марья Ивановна, голубчикъ, успокойтесь! — ухаживалъ Володя около Фирсовой, которая судорожно рыдала у него на плечѣ. — Стоить ли волноваться изъ-за всякаго негодя!.. Папаша, велите лошадь подавать, я провожу Марью Ивановну. Ну, не плачьте же, ну, успокойтесь...

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, ѣхать пора... Эй, Иванъ, закладывай лошадей!.. — слышалось въ толпѣ.

— До свиданія, я уже уѣзжаю. Заглядывайте къ намъ!..

— Мерсі, и вы тоже!

— Вотъ тебѣ и пикникъ! — съострилъ кто-то подъ грохотъ колесъ отъѣзжающихъ экипажей.

Дѣйствительно, маѣвка, такъ удачно начатая, окончательно разстроилась; послѣ скандала никто не хотѣлъ оставаться, всѣ торопились поскорѣе уѣхать и, словно разбитое войско, разстроенными рядами покидали Крутую Шипку. Лугъ, такъ недавно еще кипѣвшій шумной жизнью, смолкъ и опустѣлъ, и на всемъ пространствѣ его только тамъ и сямъ валялись, словно трупы, пустыя бутылки, конфетныя бумажки, объѣдки хлѣба и колбасы, яичная скорлупа и нѣсколько почернѣвшихъ кучъ золы и угля. Деревья все такъ же таинственно и печально шептались, склоняясь надъ